

ИТОГИ ДИСКУССИИ

От редакции

I.

Развернувшаяся на страницах нашего журнала дискуссия о принципах изучения литературы XVIII века, имеет свое положительное значение. Литература XVIII века незаслуженно оставалась в стороне, игнорировалась при изучении развития русской литературы. Дискуссия закрепляет тот интерес к изучению XVIII века, который наметился за последнее время. Положительной стороной дискуссии является то, что — при всех своих ошибках — она обязывает подойти к литературному процессу XVIII века более сложно и дифференцированно, чем это делалось раньше, с учетом тех антагонистических элементов, которые наличествовали в России XVIII века. Весьма существенным является сосредоточение внимания на литературе низов феодального общества, вносящее значительные коррективы в наше представление о литературе XVIII века, обогащающее нас литературными фактами крупного значения. Важно и то, что центральным моментом дискуссии явился вопрос о принципах изучения литературы этого периода, т. е. вопрос об установлении концепции развития этой литературы, о создании большого историко-литературного обобщения, которое позволило бы ориентироваться в массе литературных фактов, избегав примитивного фактографизма, господствовавшего до сих пор в этой области.

В статье т. Панкратовой «За большевистское преподавание истории» («Большевик» 1934, № 23, стр. 37) отчетливо ставится вопрос о задачах нашей исторической науки: «В своей критике существующих стабильных учебников и конспектов будущих учебников истории т. Сталин нагляднейшим образом показал, что надо включать в требование подлинной и высокой научности марксистского учебника истории. Основная критика нынешних стабильных учебников шла по линии их схематизма, перегруженности социологием, недостаточности в них конкретного, фактического, исторического материала. Однако представленные конспекты выявили преобладание в них исторического эмпиризма, голый конкретики. Товарищ Сталин развернул решительную и резкую критику конспектов за отсутствие в них ясно выраженных принципиальных проблем, четких историко-методологических установок, необходимых политических выводов и обобщений. Неправильно понятая «социология» привела одних авторов к фактической ликвидации изучения конкретной истории и к замене ее изучением общественно-экономических формаций. Увлечение конкретным материалом, без соответствующей и вытекающей из нее принципиальности, без общих выводов на основе уже изученных фактов, могло привести авторов учебников к вредным извращениям марксизма, идущим по пути эмпиризма буржуазных историков».

Дискуссию о путях развития русской литературы XVIII века и надлежит рассматривать в свете тех общих задач, которые поставлены т. Сталиным перед нашей исторической наукой.

Нужно со всей прямотой сказать, что если по самой постановке спорных вопросов дискуссия заслуживает положительной оценки, то в разрешении их она обнаружила наиболее слабые стороны нашего литературоведения, продемонстрировала его болезни.

II

Понятно, что наметить сейчас, хотя бы в предварительном порядке, основные линии литературного процесса можно лишь на основе тщательного изучения уже имеющегося

фактического материала. Без этого условия мы будем иметь дело лишь с абстрактным теоретизированием. Примером его может служить выступление Д. Мирского в «Литературном Наследстве» № 9/10 и напечатанный выше «ответ» его гг. Сергиевскому и Десницкому.

Д. Мирский исходит из положения, что «литература XVIII века отделена от литературы XIX века глубоким качественным изменением, сопровождавшимся фактически полным разрывом литературной традиции». Объясняется это по Д. Мирскому тем, что «в XVIII в. Россия была чисто крепостническая (очевидно, страна, т. е. страной Ред.), без каких бы то ни было элементов буржуазного прогресса» или, как повторяет Д. Мирский в своем «ответе» «элементы капитализма были не только в «неразвернутом», но и в неразвертывающемся виде». Очевидно поэтому по Мирскому «литература чисто крепостнической России XVIII века стоит к западу в отношении подражания, в отношении неорганического усвоения социально чуждых форм... Эта неадекватность заимствованной литературной традиции той действительности, которую требовалось выражать, и составляет основной характер русской литературы до начала XIX века... уже Жуковский стилистически не имеет ничего общего с XVIII веком» и т. д., и т. д. Подобные утверждения, которыми наполнена статья — не могут быть, конечно, признаны соответствующими действительности.

Ставя проблему взаимоотношения культуры феодального и капиталистического общества, Мирский не уяснил того, как происходит процесс столкновения, борьба этих двух культур.

«Одно из основных отличий между буржуазной и социалистической революцией, — указывает Ленин, — состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что есть готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми» (Ленин, т. XXII, стр. 315). В свете этих определений понятна вся неисторичность и порочность концепции Д. Мирского, заявляющего о «полном разрыве» между XVIII и XIX веками и т. п. Одновременно с этим обнаруживается неосведомленность в самом фактическом материале. Только самое поверхностное представление о литературе XVIII века может привести к заявлению, что ее отличают «безыдейность, бессодержательность, характер забавы» — близость к идеологии «чистого искусства». Для литературы XVIII века в особенности характерна ее политическая насыщенность, ее публицистичность. Не говоря о сатирической журналистике 70-х годов, не говоря о сатире, комедиях, баснях, мы и в оде и трагедии XVIII века все время сталкиваемся с большим общественным содержанием, которое прекрасно видел Плеханов, при всех грехах его «Истории русской общественной мысли». Дидактичность и просветительство пронизывают все жанры литературы XVIII века, и Д. Мирскому отнюдь не следует полагаться на общеизвестное сравнение поэзии со сладким лимонадом, как на универсальную отмывку к XVIII веку.

Делая в общем правильные замечания, например о существенности изучения творчества крестьянства в XVIII веке, Д. Мирский придает им неприемлемую форму.

Так в трактовке Д. Мирского крестьянство в XVIII веке является «единственным революционным классом».

Характеризуя эпоху реформ, Ленин подчеркивает, что хотя «революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян», но «века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже бунтов, не освещенных никаким политическим сознанием» (Ленин, т. XV, стр. 143).

В то время, — указывает Ленин, — «революционного класса среди угнетенных масс еще не было» (там же, стр. 142). Речь идет о крестьянском движении того периода, когда «крестьянские «бунты» возрастали с каждым десятилетием» (там же, стр. 143), когда даже правительство считало, что «крепостное состояние есть пороховой погреб

под государством» (см. сб. Центрархива «Крест. движения 1827—1869 гг.», в. I, 1931 г.). Поэтому неверна оценка Мирским социально-политических отношений в XVIII веке; неверен также и ультралевоый вывод Д. Мирского о том, что «основной задачей марксистского изучения XVIII века должно быть исчерпывающее изучение социально близкой нам литературы крестьянской».

Выступления В. Десницкого несоизмеримы с позициями Д. Мирского и по серьезности постановки проблемы изучения литературы XVIII века и по той фактической базе, на которой он обосновывает свои взгляды. Однако и они не лишены исторического и социологического упрощенчества. О его исторических ошибках достаточно подробно сказано в статье т. Гайсиновича. Совершенно правильно показывает т. Гайсинович, в какой мере свободно обращается В. Десницкий с историческими фактами. В применении непосредственно к литературе взгляды В. Десницкого вызывают решительные возражения. В основе его подхода к литературе лежит стремление установить прямолинейную связь между фактами экономического и идеологического порядка. Изучение литературы сводится преимущественно к установлению социального эквивалента: кто такие интересы выражает. А так как сами-то классовые отношения в XVIII веке мыслятся В. Десницким упрощенно и «модернизованно», то ярлыки наклеиваются неверно, благодаря чему например В. Майков и даже Екатерина II превращаются в идеологов третьего сословия и т. п. В. Десницкий отчетливо не ставит центрального вопроса о литературе как отражении определенного исторического периода, — о ее познавательной и воспитательной ценности. Благодаря этому теряется самый критерий оценки литературных фактов, кроме критерия «социальной близости». Какая-нибудь сказка о мужике и барине безусловно социально нам ближе, чем «Война и Мир» Толстого, это не значит, однако, что «Война и Мир» имеет для нас меньшее значение.

Литература XVIII века в значительной мере ускользает из поля зрения В. Десницкого, его статьи загромождены статистическими данными и им не хватает полноценного анализа литературных фактов.

Выступления Г. Гуковского, богатые фактическим материалом, не представляют собой глубокой попытки наметить принципы изучения литературы XVIII века. Необходимо констатировать несомненный отход его от формалистических позиций, на которых стоял он прежде. Но отход этот еще половинчатый; рецидивы формализма, отмеченные В. Десницким, несомненно наличествуют в его статье. Судя по статье о «Недоросле», помещенной в журнале «Русский язык и литература в средней школе» 1935 г., № 1, Г. Гуковский, отходя от формализма, идет пока что вульгарно социологическими путями. Только преодоление формализма и вульгарного социологизма может дать полновесность нередко ценным изысканиям конкретного порядка, которые имеются в работах Гуковского. Отмечая основные недостатки дискуссии, — существенно подчеркнуть необходимость решительного поворота дискуссии на новый путь.

III

Нужно прежде всего поставить вопрос о значении литературы XVIII века как определенной формы отражения тогдашней действительности, т. е. вопрос о познавательной ее ценности. Эта литература дает нам большой и существенный материал для суждения о XVIII веке и этот материал нужно серьезно освоить. В ряде произведений литературы XVIII века мы найдем весьма яркие обнаружения крепостнического отношения к жизни, яркие проявления рабовладельческой идеологии, которые помогут нам сейчас отчетливо осмыслить характерные черты общественного уклада, быта, психологии того времени. Уже в этом отношении творчество Сумарокова, Державина, Карамзина и других дворянских писателей представляет определенный интерес и значение сейчас.

Но понятно, что отражение жизни выступает всегда в определенной классовой форме, в пределах его заинтересованности, в правдивом отражении жизни. Отсюда — необходимым условием правильного осмысления использования литературы XVIII века является определение тех пределов жизненной правды («относительной истины»), которых достигал данный писатель как классовый идеолог. И здесь мы прежде всего

сталкиваемся с необходимостью постановки большой творческой проблемы — проблемы реализма в XVIII веке, на которой с наибольшей отчетливостью и может быть осмыслено и относительное историческое значение тех или иных писателей, классовое расслоение литературы, взаимодействие литературы XVIII века с литературой XIX века. В этой связи может быть намечена периодизация литературного процесса. Понятна условность исторических граней — литература первой четверти XVIII века ближе к XVII веку и в значительной мере отлична от послепетровской литературы периода утверждения господства дворянства. В свою очередь характерные черты литературы XVIII века во многом дают себя знать и в первой четверти XIX века. Поэтому 30—40-е годы XVIII века являются тем пунктом, с которого следует начинать изучение литературы XVIII века, как литературы определенного исторического периода. В этот момент, с одной стороны, происходит подспудный процесс крестьянского творчества, которое в условиях исключительной эксплуатации не в состоянии создать произведений, поднимающихся на высоту больших обобщений. В крестьянском творчестве проявляется глубокая жизненная правда, революционные порывы, но даны они в широком смысле слова натуралистически, т. е. недостаточно обобщенно. Этот характер крестьянского творчества нужно учесть с достаточной ясностью, чтобы не впасть в неправильную его оценку. Нам нужно не либерально-народническое восхваление творчества низов за то, что оно — творчество низов, а серьезная постановка проблемы его ценности, определение того, что в нем имеет положительное значение, что является продуктом того культурного гнета, о котором не следует забывать, и который в ряде случаев приводил к возникновению в творчестве низов и нездоровых явлений. Поэтому-то, хотя именно это творчество относительно наиболее революционно, мы находим более широкие и более обобщенные картины тогдашней действительности у писателей, принадлежащих к господствующим классам, и здесь перед нами вырастают новые проблемы в связи с тем, что во второй четверти и в начале второй половины XVIII века писатели дворянства, или ассимилировавшиеся с дворянством (Тредиаковский, Ломоносов, Ермил Костров), выступают как носители реалистических тенденций. Реализм этот чрезвычайно своеобразен, однако это несомненный реализм, если понимать его не как метафизически сформулированный комплекс признаков, а как определенный тип творчества, как принцип отношения писателя к жизни, характеризующийся утверждением (исторически весьма разнообразным) реальной жизни и наличием известных обобщений (опять-таки конечно исторически условных в своем качестве).

Этот дворянский реализм крайне ограничен. Господство дворянства в этот период настолько прочно, что оно мало заинтересовано своим социальным окружением, точнее пренебрегает им. Дворянские писатели ставят ряд проблем, вполне реальных и актуальнейших для дворянства, но оформляют их условно, рисуя образы дворян вне их реального жизненного окружения. Встает вопрос о том, к какому типу творчества можем мы отнести русский классицизм, можем ли мы, например, сказать, что своеобразие русского классицизма — в том, что он выступает как творчество реалистическое по содержанию и условное по форме. К 70-м годам обстановка начинает меняться. С одной стороны, в «ортодоксальной дворянской литературе начинается большая творческая перестройка. Смысл ее станет нам понятен, если мы вспомним ту официальную доктрину благополучия и благоденствия, которая систематически и последовательно насаждалась правительством Екатерины II. Известны ее письма к Вольтеру и Гримму, в которых она заявляла, что «у нас умирают от объедения, а иногда от голода. У нас вовсе не видно людей худых и ни одного в лохмотьях, а если есть нищие, то по большей части это ленивцы», и она добавляла, что в России «нет мужика, который не ел бы курицы, с некоторого времени они предпочитают индеек курам». И если Безбородко составлял Екатерине для Гримма своеобразный «рестр» достижений, то Потемкин строил по пути ее следования в отдалении от дороги деревни, состоявшие из фасадов в доказательство этого благополучия. И дворянская литература выходит за пределы узкого круга дворянских образов, отказывается от условных классических форм, вводит в литературу крестьянские образы, выдвигает требования простоты и естественности, но эта тяга к известной внешней реалистичности прикры-

вает постепенный отход от реалистичности содержания. Возникает необходимость осмысления сентиментализма в связи с проблемой реализма и на основе новых исторических тенденций, усиливающихся начиная с 70-х годов. Очевидно, с одной стороны, расширение творческого кругозора дворянской литературы, которое приносит с собой сентиментализм, на основе взаимодействия дворянства с элементами капиталистического развития. Но, с другой стороны, дворянские писатели (наиболее отчетливо — карамзинисты) идут по линии идиллического изображения деревни, создают фальсифицированный образ дворянина, который, как Юлия Карамзина, живет, любясь натурой и занимаясь «осматриванием цветов». Создав крайне узкий и ограниченный реализм, дворянская литература быстро отходит и от него и идет по линии антиреалистического искусства, — четкое определение художественного метода сентиментализма внесет ясность в наше понимание литературного процесса этого периода. В то же время принципы реалистического искусства получают новое развитие и здесь — новая задача нашей истории литературы: понять тот решающий сдвиг, который им дает сатирическая журналистика 1770 гг. и в первую очередь новиковские журналы. Именно в них мы находим стремление действительно правдиво показать жизнь. Достаточно назвать такие произведения, как письмо старосты Андрюшки и ответный «указ» помещика, как письма к Фалалею, как «Путешествие И... Т...», чтобы убедиться в совершенно ином отношении к жизни, которое начинает проникать в литературу. Изучение, в частности деятельности Новикова, находящего себе прямо противоположные оценки нашей литературы, представляет существенную задачу историков литературы XVIII века.

1770 гг. с несомненностью обнаруживают наличие в литературном процессе реалистических и антиреалистических тенденций, определенную их борьбу, которая осознается и в чисто литературном плане, вплоть до пародий («Автор к самому себе» в «Живописце» Новикова, «Канб» Крылова и т. д.).

На основе чего возникает это противоречие в литературном процессе? В чем связь его с жизненным процессом?

Легко заметить, что одной из центральных творческих проблем, на разрешении которой обнаруживается борьба этих тенденций, — является проблема отражения крепостного права. И если, с одной стороны, оно изображается как идиллия, с другой — оно обличается с большой силой и резкостью, как в «Путешествии И... Т...».

Проблема крепостного права привлекает не только благодаря нарастающим волнениям крестьянских масс, но и потому, что крепостное право есть проблема рабочих рук, освобождение которых является необходимым условием развития капиталистических отношений. Нет никакой необходимости настаивать на том, что промышленный капитализм развернулся уже в XVIII веке, как это почему-то обязательно хочется В. Десницкому, ибо для возникновения в XVIII веке идеологических явлений, связанных с капиталистическими отношениями, вовсе не нужно было развернутых форм капиталистической деятельности в России. Литература не развивается прямо пропорционально экономическим предпосылкам; наличие, с одной стороны, в недрах старого строя «хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества», а с другой, постоянное взаимодействие с странами, где уже развилась буржуазная культура, — все это позволяло оформляться еще в условиях феодального общества настроениям, выражавшим передовые тенденции капиталистического развития. Закладывались основы критического отношения к старому строю, стремление к той относительной жизненной правде, носителем которой являлся выраставший на этой почве новый прогрессивный и по содержанию и по форме реализм, к которому примыкали в той или иной мере наиболее дальновидные представители сближавшихся с капиталистическими элементами слоев дворянства. В этом — смысл изучения влияний заката, которые совершенно искаженно понимает Д. Мирский. Та база, которую стремится найти для объяснения развития третьесословной идеологии в России XVIII века В. Десницкий, гораздо сложнее, чем ему представляется. Она определяется не прямолинейно действующим русским промышленным капитализмом XVIII века, а чрезвычайно сложным взаимодействием развернутого капиталистического развития на западе и его оформившейся идеологии с элементами капиталистического развития в России. Поэтому-то русские идеологи капита-

литературного развития могли идти в своих взглядах дальше, чем это позволяло непосредственное состояние этого развития в России. Поэтому-то в литературе XVIII века мы находим ту сложность, которая всегда будет путать слишком прямолинейно мыслящих литературоведов.

Таким образом, мы подходим к новой существенной проблеме — к вопросу о социальных основах реализма в русской литературе. В связи с этим литература XVIII века должна мыслиться нами не в «полном разрыве» с литературой XIX века, а, наоборот, именно в ней мы сможем установить те две творческие струи, которые позволяют с большой глубиной, с одной стороны, проследить рост антиреалистических тенденций от сентиментализма к Жуковскому, Озерову, вплоть до раннего Гоголя, а с другой стороны, — мы увидим как на основе складывающегося в конце XVIII века реализма, достигающего своей вершины в лице Радищева, развивается реалистическая литература начала XIX века. Понятна проблемность этих соображений, но лишь при такой постановке изучения литературы XVIII века, в связи с ведущими историческими и творческими проблемами этого периода, мы можем установить критерий оценки и отбора произведений этого периода, можем разобраться в творческой идеологической, классовой их дифференциации, в характере литературного процесса, в отношениях литературы XVIII и XIX века и т. д., и т. д.

Изучение литературы XVIII века должно идти именно путем постановки больших творческих проблем, на основе серьезного отношения к литературным фактам и преодоления вульгарного социологизма, только тогда оно сможет прийти к действительным серьезным научным обобщениям, только тогда оно сможет создать базу для действительного освоения нами литературы XVIII века и свяжет ее с творческими интересами нашей литературы.